

Аня ЛУЧИНИНА, 10 лет

Как я учусь в школе

1-го сентября 1976 года я в первый раз пошла в школу. Во дворе стояли ряды ребят, нас поставили по стойке «смирно» и директор начал говорить то, что не было вообще слышно, потому что ребята очень сильно орали. А потом они включили радио, и там послышалась «пригробная песня» — гимн Советского Союза. Я от него чуть было не зажала уши. Другие ребята баловались и не хотели его слушать. Вдруг из-за дверей школы вышли какие-то ребята и несли красный флаг. Они обошли вокруг двора и ушли обратно. На этом затих гимн Советского Союза, и нас всех погнали в школу. Мне в школе сначала все показалось очень интересно, потому что я никогда в жизни не была в школе. Мне понравилось то, что там сразу две лестницы, я так ни в одном доме не видела никогда. Вообще я волновалась, что я сейчас иду в первый класс, первый раз первый год буду учиться в школе. Меня это очень волновало. Цветы, которые были у нас в руках, нам сказали положить на первую парту. Потом нас рассадил. Пришла учительница, Ирина Александровна, молодая элегантная женщина. Первое мое впечатление было радостное, потому что мне все говорили, что это очень хорошая учительница. Но сразу было видно, что у нее взгляд какой-то притворный.

В самом начале она нам сказала, что мы теперь становимся взрослыми советскими гражданами после того, что мы пошли в школу — мне это запомнилось. Она поздравила нас с первым уроком, с первым звонком. Она нам показала картинку, которая была в начале учебника, рассказала, что на ней нарисован мавзолей, Красная площадь, кремлевская стена, сказала, что в этом здании-мавзолее похоронен наш великий вождь. Какая-то она мне показалась странная, то, что она говорит, что к этому мавзолею по целым дням стоят огромные очереди, что даже милиционерам приходится охранять — этим сразу испортила впечатление от мавзолея. Потом она сделала объявление, что завтра мы должны приходить без десяти девять, потому что у нас будет политинформация.

На втором уроке она нам показала букварь, а на третьем — математику, обложку на математике, какая она смешная и красивая.

На второй мы все пришли без десяти девять. К нам пришла какая-то тетка и начала чепуху молоть. Про то, как у нас жить хорошо. То, что у нас коммунизм, а

в других странах голодают дети. Потом на уроке русского языка нам раздали прописи, объяснили, как ими надо пользоваться. Потом был урок математики, ее сменило чтение. Так было и на следующий день: русский сменила математика, а когда ей приходил конец, то начиналось чтение. Так было всегда.

Сначала у меня не было друзей и врагов тоже, потому что и времени у меня не было, я занималась хореографией. Но произошла такая история, из-за которой у меня появился враг. А произошло это так:

У нас в классе был мальчик, который на уроках не писал, домашние задания не делал, стихи не учил, но учительница его почему-то очень любила и уважала. Я очень хотела понять, почему это так. И потом я это узнала: оказалось, что мама этого мальчика, Прошкина, работает здесь, в школе, гармонисткой. Потом Прошкин стал драться, всех избивать: кому ухо в кровь разобьет, кому ногу стукнет, кому еще что. У меня он украл все тетрадки. Когда моя мама спросила его, куда он их дел, то он ее покрыл таким матом, которого я не слышала ни от одного пьяницы. Когда мы сказали учительнице об этом, то она ответила, что Прошкин человек трудный, больной, ему делают уколы в голову и с ним разговаривать бесполезно.

С тех пор Прошкин стал меня бить и все время грозил убить, а я боялась его бить, ведь нам сказали, что он — сумасшедший, а, значит, на самом деле может любого убить.

Из-за того, что Прошкин всех бил, а его не наказывали, он начинал все больше безобразничать. После этого вокруг него стали объединяться мальчишки-драчуны. В этой компании был мальчик по фамилии Гусаков. Он толкнул девочку Юлю с лестницы в школе так, что у нее разбилась нога и она не могла две недели ходить в школу. Когда Юля заплакала от боли, то учительница набросилась на Юлю и стала ее ругать, зачем она плачет — а Гусакова совсем не поругала. Самому маленькому мальчику в классе, Алеше, три раза разбивали очки, и каждый раз за это учительница ругала очень сильно Алешу. Потом Алешина мама стала приносить ей в школу подарки, и она тогда перестала ругать Алешу, когда его били. Мамы детей приносили ей в класс хрустальные блюда, чашки и всевозможные торты. Это было и по праздникам и вообще всегда, часто. Но мне не хотелось ей приносить никакие дары, потому что я видела, что она поступает несправедливо. Она просто-напросто смеялась, потешалась над теми, кто пострадал. Гусаков проткнул мне щеку ручкой, учительница говорила: «Это ваше дело, сами разбирайтесь». А однажды на физкультуре Прошкин ударил меня кулаком в живот так, что меня потом увезли в больницу. Думали, аппендицит, но аппендикита не нашли.

И вот как все это кончилось. Однажды я шла после перемены по коридору — руг кто-то из друзей Прошкина накинулся на меня, вскочил мне на спину, в это время, как будто по договору, Гусаков подставил мне подножку, я упала и разбила себе все лицо. У меня очень сильно потекла кровь, я зажимала губу, чтобы кровь остановилась. Ирина Александровна кричала на меня:

— Так тебе и надо! — и ругала меня всякими словами. Потом повела меня к врачу. После этой истории я в эту школу больше не пошла.

Потом меня перевели в другую школу. Здесь была очень хорошая учительница Анна Ивановна. Ребята встретили меня дружелюбно. Учительница не позволяла никому драться. На переменах она заставляла нас ходить парами.

Анна Ивановна во много раз интереснее учила, чем Ирина Александровна. У Ирины Александровны уроки были так: она приходила к нам, задавала задание и сама уходила болтать к учительнице из другого класса. Так было почти всегда, кроме тех уроков, на которые приходили методисты или директор и завуч. А Анна Ивановна всегда все задачи нам объясняла, если мы не понимали, и даже примеры. Она нам проводила на уроках чтения всякие викторины, а на уроках русского языка вместо словарных слов читала нам загадки, ответы которых были словарными словами. На уроках внеклассного чтения она нам задавала написать какое-нибудь стихотворение, а к нему нарисовать диафильм — по собственному желанию, кто захочет. Я их всегда делала, а иногда даже к рассказам и сказкам. Анна Ивановна была добрая. Строгая она не была, но у нее всегда был порядок, все дети были хорошие. А если были два-три мальчика непослушные, она им не разрешала драться, выставляла их за дверь или к директору. А потом, в конце учебного года, она стала организовывать спектакли: дети приносили кукол или сами их делали, делали всякие аппликации специально для этих спектаклей, все, что нужно. Спектакли всегда у нас получались очень интересными. Весной мы с ней ездили за город, она нам проводила экскурсии с экскурсоводами.

Когда мы пошли в четвертый класс, я очень обрадовалась, что ее увижу. Но Анны Ивановны не было: она еще летом заболела.

На первом же уроке к нам пришла директорша и стала говорить всякие глупости вроде того, что как мы хорошо живем, какие у нас прекрасные квартиры, бесплатное учение, а где-то за границей за учение надо платить: за парту, за стол, за каждый урок, за все-за все! Когда она сказала, что у нас очень хорошие квартиры, мне стало смешно, потому что у нас у самих такая хорошая квартира, что у нас пол под ногами проваливается. И она говорила, что мы должны быть благодарны за это нашей великой партии. Она говорила, что у нас бесплатное лечение, и приводила какие-то цифры, то, что в Америке очень много за него платят.

У нас теперь другая учительница, Татьяна Алексеевна. Тут же у нас дисциплина испортилась, все стали драться, бить друг друга. Драчуны, те, которых раньше представляли раньше к директору, теперь стали бить девочек и мальчиков. Сильные стали бить слабых, слабые — бояться сильных. Теперь школа в моих глазах внешне искажась, повернулась ко мне грязным боком: другая учительница, по-другому учит, главное, нету такой теплоты, как была раньше, у Анны Ивановны. И вообще мне стало казаться все хуже: раньше всю советскую обстановку этой школы заслоняла Анна Ивановна своей душевной теплотой, но теперь, после того, как Анны Ивановны у нас нету, все это советское как будто вынули из проявителя. Теперь я увидела все, на чем основана наша школа: учительница во всех диктантах и изложениях подкидывает нам что-нибудь советское, про то, как у нас хорошо; говорить про то, что кому-то плохо живется

или с мамой или с папой плохо поступили, можно только наедине, только с человеком, который уже точно не рассмеется, а таких людей у нас очень мало.

Если спросить кого-нибудь, любишь ли ты Ленина, то это примут как за оскорбление: как же можно не любить Ленина, когда он боролся за наше счастье? Эти слова как будто бы надиктованы из учебника и учебников всех классов: во всех классах, хотя я прошла только четыре, во всех учебниках были такие строчки. А Брежнева вообще считают великим человеком и посланником Ленина. Однажды у меня с девочками Леной и Олей зашел такой разговор: начался он с того, что девочки стали говорить неприличные анекдоты, и там всегда русские выходили сухими из воды, а американцы были политы грязью. Меня это возмутило: почему у вас такое представление о иностранных странах, небось, наш Брежнев тоже на позолоченной кровати спит. Лена мне шепнула на ухо:

— Тише, тише, ведь посадят! — а Оля тут не вступилась за великого вождя:

— Да он же простой человек, такой же человек, как и все.

Теперь Лена решила, что лучше вступить за меня: она начала посмеиваться над Ольгой, чтоб отвлечь ее:

— Ха-ха, что, мы спим на перинках, так и он спит на перинках? Мы на досках, и он на досках?

— Да, — подтвердила я, — что вот у нашей соседки по парте не было даже пяти копеек на альбом для рисования, и у него тоже так бывает?

Ольга разъярилась и как разорется:

— Да Брежнев, да Брежнев, если хочешь знать, он просто путешественник. В это время к нам подошла большая девочка, наверное, из шестого класса, с очень противным самодовольным лицом.

— Да Брежнев, да знаешь, что он очень хороший! — сказала она, вся багровая.

— А чем ты докажешь? — спросила я.

— А тем, что он хочет всем людям на земле счастья! — и, презрительно оглянувшись, ушла.

Все говорят, что ребенку школа должна составлять какой-то интерес, удовольствие и радость. Но мне, честно говоря, с тех пор, как у нас нет Анны Ивановны, ни того, ни другого, ни третьего школа не дает.